

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
I	7
II	40
III	75
IV	115
V	155
VI	200
VII	242
VIII	278
IX	327
X	369

VII

— **Ч**то ты тут делаешь, Майта? — воскликнула Аделаида. — Зачем явился?

Замок Роспильози стоит между кварталами Линсе и Санта-Беатрис, ныне неразличимыми. Однако в ту пору, когда Майта женился на Аделаиде, между ними еще шла классовая борьба. Линсе всегда был скромным районом среднего класса, тяготеющим к пролетарскому, — узкие, бесцветные домики, небольшие монастыри, узкие улочки, выщербленные тротуары и гористые садики. Тогда как квартал Санта-Беатрис был претенциозен, и обитатели его строили особняки в колониальном, севильском или неоготическом стилях — вот как этот памятник экстравагантности под названием «замок Роспильози» с зубчатыми стенами и стрельчатыми арками из армированного цемента. Жители Линсе с завистью и досадой смотрели на жителей Санта-Беатрис, которые взирали на них, в свою очередь, с высокомерным пренебрежением.

— Поговорить с тобой хотел пять минут, — сказал Майта. — И, если можно, на сына посмотреть.

Сейчас кварталы Санта-Беатрис и Линсе сделались одинаковыми: один приходил в упадок, другой хорошел, и так продолжалось до тех пор, пока оба не сошлись в некоей точке посередине и стали бесформенным обиталищем служащих, коммерсантов, специалистов разного рода — не богатых и не бедных, но озабоченных, как дотянуть до конца месяца. Типичным представителем этого сословия был муж Аделаиды, дон Хуан Сарате, уже много лет служащий в почтовом ведомстве. Его фотография висит недалеко от окна без занавесок, через которое мне виден замок Роспильози: поскольку там помещается какое-то подразделение Министерства авиации, он окружен мешками с песком и проволочными ограждениями, за которыми мелькают каски и винтовки часовых. Один из них остановил меня по пути сюда и обшарил с ног до головы, прежде чем пропустить. Солдаты явно встревожены: палец — на спусковом крючке. С учетом происходящего, как же иначе? На фотографии дон Хуан — серьезный, в костюме-тройке, при галстукке, Аделаида же с суровым видом держит его под руку.

— Это когда мы поженились, в Каньете. Мы тогда провели три дня в доме у его брата. Я была уже на седьмом месяце. А не заметно, да?

В самом деле, никто бы не сказал, что она доживает последние месяцы. Фотография сделана лет тридцать назад. Удивительно, как хорошо сохранилась женщина, которая недолгое время была замужем за моим одноклассником.

— Я ждала ребенка от Майты, — добавляет Аделаида.

Слушаю внимательно и рассматриваю ее. И не перестаю удивляться с той минуты, как переступил порог ее мрачного жилища. Я говорил с ней только по телефону и представить себе не мог, что этот резкий голос принадлежит женщине, не утратившей привлекательности, несмотря на годы. Завитые седые волосы до плеч, мягкие черты лица с пухлыми губами и глубокими глазами. Она кладет ногу на ногу — ноги длинные, стройные, гладкие, твердые на вид. В пору своего замужества была, должно быть, настоящей красоткой.

— Вовремя же ты вспомнил о сыне, — воскликнула Аделаида.

— Я о нем и не забывал, — ответил Майта. — Одно дело — не видеть его, другое — не думать о нем. Мы же договорились с тобой, и я выполняю все условия.

Однако чувствуется в ней какая-то опустошенность, душевный упадок, горечь неудачи. И всеобъемлющее безразличие — ей вроде бы не важно ни то, что восставшие заняли Куско и установили там власть своего правительства, ни ночная стрельба на улицах Лимы, когда неизвестно, кто и в кого стреляет, ни то, подтвердились ли слухи, что морская пехота высадилась недавно на базе Ла-Лойя в Арекипе, идя на выручку армии, которая, кажется, разбита по всему южному фронту. Она ни разу не упомянула даже о тех событиях, которые заставляют замирать сердца жителей всей Лимы и, омрачая мою радость от возможности наконец-то поговорить с ней, отвлекают меня мельтешением красных флагов, трескотней выстрелов и победными кликами на улицах Куско.

— Ты их нарушаешь, осмеливаясь явиться в мой дом, — сказала Аделаида, отводя со лба прядь волос. — Не знаешь, что ли, в какую беду ты нас с мужем втягиваешь своим приходом?

Слушая ее рассказ о том, как она ускорила брак с Хуаном Сарате, чтобы сын Майты родился в своем законном доме, носил другую фамилию и отцом его был записан другой человек, я говорю себе, что отвлекаться в моем положении глупо: времени мне отпущено мало. То, что я наконец здесь, — моя награда за упорство. Аделаида упорно отказывалась принимать меня, а на третий или четвертый раз даже бросила трубку. Надо было настаивать, умолять, клясться, что в моих писаниях никогда не будет упомянуто ее имя, как и имена ее мужа и сына, и наконец — поскольку рассказ о ее жизни с Майтой и об их последней встрече перед его отъездом в Хауху можно расценить как своего рода работу, — предложить ей компенсацию за время, потраченное на меня. За двести тысяч солей она согласилась уделить мне час. При условии, что не будет упомянуто, как она выразилась, «чересчур личное».

— Особые обстоятельства, — настаивал Майта. — Клянись, я сейчас же уйду.

— Я подумала — ему надо где-то спрятаться, а идти некуда, — говорит Аделаида. — Так было всегда. Со дня нашего знакомства и до нашего развода он чувствовал, что его преследуют. То ли были для этого основания, то ли нет. И вечно темнил, таил, скрывал — даже от меня.

Успела ли она полюбить его? Других причин быть с ним у нее не было. Как они познакомились? На пло-

щади Сукре, когда играли в томболу*. Она поставила на 17, а оказавшийся рядом Майта — на 15. Колесо остановилось на этой цифре. «Вот повезло! Медвежонка выиграл!» — воскликнула Аделаида. «Хочешь, подарю тебе?» — ответил сосед. — Можно? Давай познакомимся — меня зовут Майта».

— Ладно, заходи, не хочу, чтобы эти сплетницы видели нас вместе у дверей. — Аделаида отворила. — Только, прошу тебя, пять минут, не больше. Хуан, если застанет тебя, страшно разозлится. Ты мне и так уже доставил столько головной боли...

И неужели по его нервозности и взвинченности она не заподозрила, что на этот неожиданный визит к ней он решился потому, что собирается предпринять какие-то чрезвычайные шаги? Нет, ей даже в голову это не пришло. Тем более что не был он ни нервозен, ни взвинчен. Был таким как всегда — спокойным, скверно одетым, разве что похудел еще больше. В ту пору, когда между ними возникла близость, Майта признался ей, что встреча у барабана томболы вышла не случайно: он давно заметил Аделаиду, ходил за ней следом, кружил поблизости, ища возможности заговорить.

— Уверял, что влюбился с первого взгляда, — со злой насмешкой добавляет Аделаида. При каждом упоминании его в ней все сильнее чувствуется горечь. Несмотря на то что прошло столько лет, какая-то рана так и не затянулась. — И все это было брехней. Вовсе он не влюблялся в меня. А из-за своего невероятного эгоизма даже не смог понять, сколько вреда он мне причинил.

---

* Разновидность лотереи.

Майта обвел глазами море красных флагов, море вздетых кулаков, лес ружейных стволов, и все это — под рев десяти тысяч уже охрипших глоток. И в голове не укладывалось непостижимое: он — здесь, в доме Аделаиды, где среди этих кресел с пластиковой обивкой и этих стен с облупившейся краской живет ребенок, его сын, пусть даже у него другое имя. И почувствовал дурноту. Правильно ли он сделал, что пришел? Может быть, это просто сентиментальный жест, лишенный смысла и цели? Не приписывает ли он Аделаиде изощренный злой замысел? Это звучит Интернационал на языке кечуа?

— Я уезжаю и не знаю, когда вернусь в Перу, — объяснил ей Майта, присаживаясь на поручень ближайшего кресла. — Не хотел бы уезжать, не познакомившись с ним. Ничего, если повидаемся накоротке?

— Очень даже «чего», — отрезала Аделаида. — Он носит другую фамилию, Хуана считает отцом и другого не знает. Ты не представляешь, чего мне стоило создать для него нормальный дом и найти настоящего отца. И я не дам тебе все это порушить.

— Я не собираюсь все это рушить, — сказал Майта. — Я всегда соблюдал наш договор. Я всего лишь хочу познакомиться с сыном. Я не скажу ему, кто я, а если хочешь, вообще не стану с ним говорить.

И в первые дни после знакомства он ни слова не сказал ей, чем на самом деле занимается: упомянул лишь, что зарабатывает журналистикой. Его никак нельзя было назвать красавчиком, глядя, как он загребает ногами, и на его редкие зубы, а при виде его обтерханной одежды — счесть человеком обеспеченным. И все же чем-то он Аде-

лаиде понравился. Чем, чем мог понравиться революционер хорошенькой служащей «Банко де кредито»? Часовые, охраняющие замок Роспильози, очень нервничают, что есть, то есть: останавливают каждого прохожего, требуют документы и с маниакальной дотошностью записывают данные. Стряслось еще что-нибудь? Солдаты знают такое, о чем еще не сообщали по радио? Одну девушку с корзинами, которая решила было поскандалить при этой процедуре, огрели прикладом.

— Рядом с ним я чувствовала, что мне начинает открываться нечто неведомое, — говорит Аделаида. — Не потому, что он был такой уж мудрец. Но того, о чем он говорил со мной, я никогда не слышала от других моих воздыхателей. И я ни словечка из его речей не понимала, но замирала, все равно как птичка перед змеей.

На нее произвело отрадное впечатление, что он вел себя корректно, непринужденно, владел собой. Умел сказать приятное. Почему он не попытался поцеловать ее? Однажды повел ее в Суркильо, в гости к своей тетушке, единственной родственнице Майты, которую она знала. Сеньора Хосефа приготовила им легкий завтрак, была с Аделаидой ласкова и радушна. Сидели беседовали, и тут вдруг донье Хосефе зачем-то понадобилось выйти из дому. А они остались, слушали радио, и Аделаида подумала: «Вот сейчас». Майта сидел в кресле, рядом с ней, и она ждала. А он не попытался даже за руку ее взять, и тогда она подумала: «Наверное, уж очень влюблен». Девушке с корзинами пришлось подчиниться. Ее регистрируют и пропускают. Когда она проходит мимо окна, вижу, как двигаются ее губы — беззвучно ругает солдат.

— Прошу тебя, не настаивай, — сказала Аделаида. — Тем более что он в школе. И зачем тебе это, зачем? Цель какая? Если он что-нибудь заподозрит, это будет просто ужасно.

— Взглянет мне в лицо и как по волшебству узнает во мне своего отца? — пошутил Майта.

— Мне страшно, мне кажется, ты накликаешь беду, — пробормотала Аделаида.

И в самом деле, страх искажил ее лицо, страх подрагивал в ее голосе. Бесплезно было настаивать. Неужто и впрямь порыв чувств, желание увидеть сына, которого он редко вспоминал, — это дурной знак? Он терял драгоценные минуты, и неосторожно было с его стороны являться сюда. Если его застанет здесь Хуан Сарате, выйдет стычка, а любой, даже самый незначительный скандал негативно скажется на плане. «Остановись, уходи отсюда». Но продолжал сидеть как пришитый на ручке кресла.

— Хуан был управляющим почтовой конторой у нас в Линсе, — говорит Аделаида. — Являлся утром удостовериться, что я пришла на службу, а вечером — что ушла со службы. Следовал за мной неотступно, приглашал меня в рестораны, каждую неделю делал предложение. Терпел мое пренебрежение и не сдавался.

— И предложил усыновить ребенка?

— Я согласилась выйти за него лишь с этим условием. — Я окидываю взглядом фотографию, сделанную в Каньете, и теперь понимаю, что прекрасная операционистка сочеталась браком с немолодым и некрасивым почтовым чиновником. Сыну Майты сейчас около три-

дцати. Стала ли его жизнь такой, как мечтала мать, называвшая ее «нормальной»? Что думает он о случившемся? Держал ли он сторону мятежников и интернационалистов или армии и морской пехоты? Или, как и мать, считает, что те и другие одним миром мазаны? — А Майта, так ни разу и не поцеловав меня, на пятом или шестом свидании приготовил мне большой сюрприз.

— Что бы ты ответила мне, если бы в один прекрасный день я предложил тебе руку и сердце?

— Ну, вот как настанет этот прекрасный день — и узнаешь, — кокетливо ответила она.

— Считаю, что пришел, — сказал Майта. — Хочешь выйти за меня замуж?

— И он ведь ни разу меня не поцеловал, — повторяет она, покачивая головой. — И вдруг взял — и сделал предложение. А я — взяла да и согласилась. И валить мне не на кого, я одна во всем виновата.

— Это доказывает, что вы были влюблены.

— Не могу сказать, что прямо уж нестерпимо хотела за него замуж. — Уже знакомым мне движением она отбрасывает волосы со лба. — Я была молода, очень недурна собой, мне было из кого выбирать. Хуан Сарате ведь был не единственный. Но выбрала того, кому в буквальном смысле негде было голову приклонить, да в довершение ко всему — революционера. Ну, не глупо ли?

— Ладно, будь по-твоему, — пробормотал Майта. Но с кресла не приподнялся. — Но, по крайней мере, расскажи мне о нем. И о себе. Ты счастлива в браке?

— Мне лучше, чем было с тобой, — ответила Аделаида так, словно смиренно принимала свой удел. — Живу спо-

койно, не опасаясь, что в любую минуту могут нагрязнуть агенты, перевернут тут все вверх дном и мужа заберут. Знаю, по крайней мере, что с Хуаном сыта буду каждый день и что нас не попрут из дому за неуплату.

— Так вот послушать тебя — не скажешь, что ты прямо ах, как счастлива, — пробормотал Майта. Нашел время вести подобные разговоры. Сейчас, когда надо закупать медикаменты, собирать деньги и укладывать чемодан?

— Да я и не больно-то счастлива, — сказала Аделаида, которая после того, как Майта сказал, что с сыном видеться не станет, сделалась приветливой. — Хуан заставил меня уволиться из банка. Ходила бы на работу — мы бы и жили получше, и людей бы видела, и на улице бывала. А тут я только и делаю, что мою, подметаю и стряпаю. С чего бы мне быть счастливой?

— Не с чего, — сказал Майта, окинув взглядом комнату. — Но все же по сравнению с миллионами людей ты, Аделаида, живешь прекрасно.

— Ты собрался рассуждать о политике? — сейчас же ощетинилась она. — Тогда лучше уходи. По твоей милости я возненавидела политику больше всего на свете.

Поженились они через три недели — зарегистрировали брак в муниципалитете Линсе. И вот тогда ей стал открываться истинный Майта: под чистейшим небосводом и над красночерепичными крышами Куско реют сотни и тысячи красных знамен, а старинные фасады его соборов и дворцов и древние камни его мостовых обгрены кровью павших в недавних боях. Поначалу она в толк не могла взять, что такое Революционная рабочая партия. Она знала, что в Перу была партия, называлась

АПРА, генерал Одрия ее запретил, а Прадо, когда к власти пришел, разрешил. А что такое РРП? В реве манифестаций и пальбе в воздух, в неистовых речах провозглашается начало новой эры, пришествие нового человека. Начались расстрелы предателей, тайных агентов, палачей, приверженцев старого режима на красивой Пласа-де-Армас, где присные вице-короля четвертовали некогда Тупака Амару. Майта объяснил ей, не вдаваясь особо в подробности: РРП была еще малочисленна.

— Я не придавала этому особого значения: мне все это показалось игрой, — говорит она, отводя волосы со лба. — Однако и месяца не прошло, как однажды вечером, когда я была одна дома, в дверь постучали. Я открыла и увидела двоих. Под предлогом обыска они унесли даже мешок риса, стоявший на кухне. Так начался этот кошмар.

Мужа она редко видела и никогда не знала, где он — на заседании ячейки, в типографии или где-нибудь скрывается. Майта жил не на жалованье от «Франс пресс», куда приходил лишь на час-два в день, да и платили там сущие гроши, так что, не служи Аделаида в банке, жить было бы не на что. Очень скоро она поняла, что значение для него имеет только политика. Иногда он приводил в дом каких-то странных личностей, и они чуть не до утра вели бесконечные споры. «А эта ваша РРП коммунистическая?» — спросила она как-то раз. «Мы-то и есть настоящие коммунисты», — ответил он. А она тогда все чаще стала спрашивать себя: «За кого я вышла замуж?»

— Я-то думал, Хуан Сарате любит тебя и из кожи вон лезет, чтобы сделать счастливой.

— Он любил меня еще до того, как ты появился, — пробормотала она. — Любил, наверное, и когда согла-

сился дать свое имя твоему сыну. Но после этого стал часто злиться на меня.

Он ее тиранил? Нет, был ласков, но постоянно напоминал о своем великодушии. И к мальчику относился хорошо, заботился о его образовании. Что ты тут делаешь, Майта? На что ты тратишь последние часы в Лиме? Но инерция не давала ему уйти. И то, что в этом последнем разговоре, когда Майта был уже одной ногой в Хаухе, они с Аделаидой обсуждали ее супружество, меня обескураживает. И в этом последнем разговоре было нечто такое грандиозное, такое впечатляюще яркое, что чувства и мечты Майты накануне восстания представляли совсем в ином свете. Насколько я могу судить, о вас вы говорили больше, чем о нем. Простите, что перебил, давайте продолжим. Или, может быть, его политическая деятельность причиняла вам страдания?

— Гораздо больше я страдала от того, что он — гомосексуалист, — отвечает она. И, покраснев, добавляет: — А еще сильнее — когда поняла, что он женился на мне, чтобы скрыть это.

Наконец-то последовало ошеломительное признание. Тем не менее мое внимание по-прежнему делится между Аделаидой и флагами, кровью, расстрелами и ликованием мятежников и интернационалистов в Куско. Неужели через несколько недель Лима станет такой же? Водитель маршрутки, везшей меня в Линсе, уверял, что с вечера армия публично расстреливает предполагаемых террористов в Вилья-Эль-Сальвадоре, Комасе, Сьюдад де Ниньо и других недавно возникших поселках. Неужели в Лиме будут воспроизводиться бессудные расправы

и казни той эпохи, когда во время Второй Тихоокеанской войны в страну вторглись чилийцы? В голове отчетливо звучит слышанная мной в Лондоне лекция одного историка, где он цитировал свидетельство британского консула: покуда чилийские снаряды разрывали в клочья перуанских добровольцев, отбивавших атаки противника в Чоррильосе и Мирафлоресе, столичная чернь убивала — вешала, резала, жгла — китайских лавочников и торговцев, обвиняя их в пособничестве врагу, громила дома состоятельных горожан, а те, найдя убежище в иностранных посольствах, оттуда призывали к скорейшему вторжению интервентов, которых, как выяснилось, боялись меньше, чем остервенелых толп индейцев, чоло, мулатов и негров, завладевших городом. Повторится ли сейчас нечто подобное? Ворвутся ли голодные толпы в дома Сан-Исидро, Лас-Касуаринас, Мирафлореса, Чакарильи, меж тем как остатки армии рассеются под натиском восставших? Начнется ли столпотворение в дверях посольств и консульств, меж тем как генералы, адмиралы, чиновники, министры, поспешно достав из тайников драгоценности и доллары, ринутся сломя голову на самолеты и корабли? Запылает ли столица подобно тому, как пылает сейчас город в Куатро-Суйос*?

— Судя по всему, вы не можете простить ему и это, — говорю я.

---

* Ку а т р о - С у й о с (исп. Четыре Суйос; из языка кечуа, suyu — регион, часть территории) — одно из названий империи инков. Имеются в виду четыре основные провинции, составлявшие империю — Чинчайсуйо, Антисуйор, или Андесуйо, Кольясуйо и Контисуйо, или Кондесуйо. На пересечении этих четырех провинций находился город Куско.

— Как вспомню, кровь в жилах стынет, — соглашается Аделаида.

Тогда ли это случилось? В ту ночь или, вернее, на рассвете. Услышала, как затормозила машина, зашуршали шины у дома, а поскольку она жила в постоянном страхе полиции, соскочила с кровати посмотреть, кто там на улице. Из окна увидела машину, откуда в синеватые рассветные сумерки вышел безликий силуэт Майты, а с другой стороны — водитель. Она вернулась в постель, но что-то — нечто странное, необычное, необъяснимое, неопределимое словами — лишило ее покоя. Она вновь встала и прильнула к оконному стеклу. Водитель прощался с Майтой, который вел себя не так, как ее муж. Такие ужимки были в ходу у выпивох, шутников, озорников. Майта фамильярностей не любил и не был склонен к развязности. А теперь? Он обнял его. «Да это женщина», — подумала Аделаида, взмолившись, чтобы это оказалось так, и чувствуя, как дрожат у нее руки и ноги. Женщина в пиджаке и брюках? В рассветной дымке Аделаида не могла отчетливо разглядеть, с кем обнимался ее муж на этой пустынной улочке, но сомнений не было, что — по фигуре, по всему облику, по волосам — это был мужчина. Она еле сдержалась, чтобы раздетой, в чем была, не выскочить из дому и не крикнуть им: «Гомосеки, гомосеки!» Но сдержалась и спустя несколько секунд, когда пара разомкнула объятия и Майта направился домой, сделала вид, что спит. И в темноте, сгорая от стыда, смотрела, как он входит в комнату. И могла бы поклясться, что домой он вернулся в таком состоянии, о котором говорят: «Не помнит, где был и с кем». Но ведь